

«ИМИДЖ» КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Константин Теодорович ТИХИЙ, кандидат исторических наук. Сфера научных интересов — отечественная история XX в. в англо-американской историографии

Одной из главных задач первой пятилетки была программа коллективизации сельского хозяйства СССР. Она предусматривала ликвидацию мелких индивидуальных крестьянских хозяйств и создание на их основе высокопроизводительных механизированных коллективных хозяйств.

Осуществление этих преобразований в СССР вызвало заметный интерес американской общественности. Внимание обозревателей главным образом было сконцентрировано на причинах и задачах коллективизации, методах ее проведения и основных итогах становления колхозного строя в советской деревне.

Рассматривая причины коллективизации, американские исследователи выделяли три основные группы взаимосвязанных задач, которые по их мнению необходимо было решить для успешного развития аграрного сектора в Советском Союзе. В первую очередь это — экономические причины. У.Г. Чемберлин отмечал, что индивидуальные крестьянские хозяйства с их стихийным и неуправляемым производством являются главным препятствием на пути к осуществлению глобального планирования. Положение, по его мнению, усугублялось тем, что недостаточные поставки сельскохозяйственной продукции ставили под сомнение стабильность развития как промышленности, так и внешней торговли¹. Реализация планов пятилетки в сельском хозяйстве, считали американцы, не только увеличит производство сельскохозяйственной продукции, но и станет началом процесса трансформации мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, в которых земля, техника и рабочий скот будут обобщены².

Многие американские специалисты отмечали и социальные причины, которые определили необходимость коллективизации. За время нэпа в деревне произошла имущественная и социальная дифференциация крестьянства на кулаков, середняков и бедняков. Для либералов — приверженцев экономического и социального равенства — стремление правительства СССР исправить такое положение в ходе коллективизации представлялось оправданным. Само существование богатых независимых производителей в советском государстве рассматривалось ими как политическая и экономическая аномалия³.

Некоторые социологи в США подчеркивали важность изменения психологии русского крестьянина в сторону большего соответствия ее задачам построения бесклассового общества⁴. Эта задача, с их точки зрения, могла быть осуществлена только на основе всемерного просвещения крестьянства и пропаганды преимуществ коллективного хозяйствования. Таким образом, амери-

канские обозреватели имели довольно полное общее представление о целях и задачах коллективизации и поддерживали их.

Однако практическое претворение в жизнь программы коллективизации вызвало различные оценки в американском обществе. Прежде всего это определялось применением советскими властями двух разных по характеру подходов при ее проведении — метода убеждения и насильственной коллективизации. Особенно широкий резонанс в американском обществе вызвал второй путь. Он основывался на решении политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»⁵. С этого времени официальная советская «политика ограничения и вытеснения кулацких хозяйств» из деревни сменилась «политикой ликвидации кулачества как класса». Последняя предусматривала не только насильственное лишение кулачества средств производства, но и массовые политические репрессии против него, заключающиеся в лишении кулаков политических прав, выселении их в отдаленные районы страны, заключении в трудовые лагеря ГУЛАГа, а также в физическом уничтожении наиболее активных противников советской политики в деревне.

В советской прессе первые сообщения о казнях противников коллективизации появились в 1928 г. В течение 1929 г. их количество постоянно увеличивалось. Советская цензура не препятствовала иностранным журналистам посылать соответствующие сообщения за границу. Восприятие американцами политики раскулачивания было неоднозначным. Для американского читателя формулировка «ликвидация кулачества как класса» была даже в некоторой степени привлекательной. Она представлялась своеобразной формулой социальной инженерии и носила абстрактный, независимый от конкретных людей, характер. Показательно, что некоторые либералы, которые в будущем стали резко критиковать аграрную политику ВКП(б), в начальный период насильственной коллективизации оправдывали репрессивные методы при ее проведении.

Так, У.Г. Чемберлин в книге «Советская Россия. Современная хроника и история», изданной в 1930 г., предполагал возможность применения террора для достижения целей коллективизации. Он аргументировал это тем, что национализация земли создает фундамент экономической свободы, которая гораздо важнее, чем ограничение индивидуальной свободы⁶. Спустя четыре года в своем основном труде о Советском Союзе «Железный век России» журналист выразил убеждение, что именно гражданские свободы имеют жизненную важность и их наличие или отсутствие являют собой качество цивилизованности государства⁷.

Противоречивый характер заявлений журналиста отражал опыт жизни американского общества. Психологический шок, вызванный у американцев кризисом, привел к появлению представлений о том, что ради экономического благополучия можно поступиться частью политических и гражданских свобод. С началом осуществления реформ Ф.Д. Рузвельта стало очевидным, что именно политическая активность масс обеспечивает демократический характер преобразований «нового курса».

Другой представитель американского журналистского корпуса Ю. Лайонс, рассматривая практику администрирования и репрессий при создании колхозов, отмечал, что их целью было не только уничтожение кулацких элементов, но и устрашение остального крестьянского населения с целью подчинения его правительственной политике⁸. Именно поэтому публицист назвал коллективизацию русской деревни одним из «горьких уроков первой пятилетки». «Ликвидация кулаков как класса», по его мнению, была одним из самых

жестоких эпизодов новейшей истории. «На практике, — отмечал Лайонс, — экономический статус в выборе жертвы был вторичным: кто противостоял насильственной коллективизации, тот стал официально кулаком, а если он был слишком беден для такого ярлыка, его называли «кулацким подпевалой» и в любом случае ликвидировали»⁹.

Признанным специалистом по русской деревне считался Морис Хиндус (1891—1969). Родившийся в бедной еврейской семье в белорусской деревне Большое Быково, он в 1905 г. в возрасте 14 лет вместе с семьей переехал в Соединенные Штаты. После окончания Колгейтского университета на долгие годы жизни темой его исследований стало русское крестьянство. Подход Хиндуса к предмету изучения отличался от оценок многих его современников, которые писали о Советском Союзе. Хиндус не видел в революции угрозы демократии и капитализму. Он рассматривал ее как чисто русский феномен, обусловленный внутренними политическими и социальными причинами и не представляющий угрозы для Запада. В отличие от тех, кто прислушивался к идеологическим заявлениям советского правительства или читал классиков марксизма в качестве путеводителя для понимания того, что происходит в России, Хиндус выбрал другой путь. По его мнению, нужно «быть в стране, ездить по ней, наблюдать и слушать, задавать вопросы и приводить в систему ответы, чтобы приобрести некоторое понимание развития и значения этих событий»¹⁰.

Одной из самых значимых его книг является «Красный хлеб», которая была написана после посещения его родной деревни в 1929 г., накануне «великого перелома». С большой симпатией по отношению к крестьянам Хиндус описывает тяжелые человеческие жертвы, особенно среди кулаков. Коммунисты, по его описаниям, выглядят жестокими, часто бесчувственными, но решительными в использовании силы против тех элементов, которых они рассматривали как препятствия на пути коллективизации. Поскольку революция направлена на изменение человеческого общества и природы человека, она жестока, считал Хиндус. Но в то же время это была «двурукая сила», которая и подавляет, и освобождает людей. Он считал, что только мирными средствами нельзя добиться быстрых изменений. «В революции, как в войне — это цель, в которой не принимается в расчет цена, будь то золото или кровь»¹¹. Взгляды Хиндуса критиковались современниками как наивные и апологетические и даже двуличные¹². Позже, в годы второй мировой войны, Хиндус выразил убеждение, что без коллективизации, в Советском Союзе не была бы проведена индустриализация и он не отбил бы нацистское вторжение¹³.

Видный американский экономист К. Гувер, неоднократно бывавший в СССР, писал: «Любой крестьянин, который сопротивлялся кампании (коллективизации. — **Авт.**), автоматически рассматривался как кулак»¹⁴.

Вместе с тем можно отметить, что многие либералы, как здесь уже говорилось, оправдывали применение репрессивных методов при раскулачивании и создании колхозов. Так, например, У. Остин, президент одноименной компании, которая оказывала помощь в строительстве автозавода в Нижнем Новгороде, считал, что улучшения, происходившие в ходе коллективизации в сфере образования, просвещения и материального благосостояния крестьянина, более важны, чем методы, которыми это достигается¹⁵. Подобное оправдание террора, который осуществлялся во время коллективизации, было не единственным¹⁶. Так, М. Хиндус писал, что поскольку кулаки препятствуют к революционным преобразованиям в деревне, они должны быть уничтожены любым путем и любой ценой¹⁷.

После известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в советской прессе 2 марта 1930 г., даже леворадикальные круги США стали осторожны в своих оценках советской коллективизации. Официальный орган Общества друзей Советского Союза журнал «Советская Россия сегодня» отмечал, что, несмотря на «эксцессы» в прошлом, основными средствами привлечения крестьянина-индивидуалиста в колхозы стали методы просвещения и убеждения¹⁸.

После статьи Сталина в США начали больше уделять внимания мирным формам вовлечения крестьян в колхозы. Некоторые их специалисты полагали, что колхозы имеют явное преимущество перед единоличниками. При этом они игнорировали собственный, американский опыт по организации крупных сельскохозяйственных кооперативов, который доказал преимущества традиционного фермерского хозяйства. В своих представлениях американские исследователи исходили из официальной советской политики в отношении колхозов: им отводились лучшие земли, их в первую очередь снабжали сельскохозяйственным оборудованием и инвентарем. Налоги на колхозников были намного меньше, чем на крестьян-единоличников. Они пользовались льготами при получении кредитов и семян из государственного фонда. Лишь немногие американцы видели, что советское государство, предоставляя некоторые льготы и помощь колхозам, отнимало у них непропорционально больше.

Противоречивый характер взаимоотношений между государством и деревней отмечали некоторые американские современники. У.Г. Чемберлин писал, что машинно-тракторные станции выполняли две главные функции — экономическую и политическую. Последняя, по его мнению, была направлена на подчинение колхозов МТС через высокие (20—25% всего урожая зерна) расценки на оказываемые услуги¹⁹. Действительно, нельзя отрицать, что государственная монополия на машинные средства обработки земли предоставляла дополнительные возможности для перекачивания средств из деревни в промышленность. Однако распространенное среди некоторых американских критиков мнение о том, что МТС созданы специально для того, чтобы лишить колхозы возможности самим владеть сельхозтехникой, не выдерживает критики. Создание специализированных механизированных хозяйств было вынужденной мерой и в значительной степени определялось острой нехваткой сельскохозяйственных машин и оборудования.

Тем не менее некоторые обозреватели в США отмечали и положительную роль созданных при МТС политотделов. Эти органы, по мнению обозревателей, способствовали укреплению дисциплины в колхозах и исправлению некоторых ошибок местных властей в области аграрной политики²⁰. Кроме того, большая заслуга МТС состояла и в подъеме культурного уровня деревни. «Коллективизация, — отмечал Хиндус, — это не только земля и техника, но и знания». По сравнению с 1915 г., когда в России существовало 5 сельскохозяйственных институтов и 16 сельхозтехникумов, в 1932 г. в СССР насчитывалось 152 института и 967 техникумов, занимавшихся подготовкой специалистов сельского хозяйства²¹.

Окончание коллективизации вызвало известный интерес американцев к ее итогам. Лайонсу, Чемберлину и многим другим пришлось признать, что, несмотря на раскулачивание и большие материальные потери вследствие политики насильственной коллективизации, колхозное движение в России победило. К 1933 г. 65% всех крестьянских дворов были коллективизированы. Они владели 73,5% всей обрабатываемой земли. Им оказывали помощь 2,5—3 тыс. МТС. Трансформация психологии крестьянина от частнособственных устремлений к коллективному мышлению сопровождалась появле-

нием в деревне привлекательных элементов городской культуры — школ, клубов, кинотеатров, библиотек и т.п.²² Отмечая коренные изменения в социальной сфере села, У.Г. Чемберлин писал: «Бывший батрак, стоявший на самой низкой ступени деревенской иерархии, сейчас мог стать председателем колхоза»²³.

Одним из негативных итогов коллективизации был голод, который в 1932—1933 гг. охватил Украину, Кубань, Поволжье и другие регионы страны. Масштабы его невозможно было спрятать от иностранных журналистов и туристов. Советское правительство предпринимало попытки скрыть от репортеров свидетельства голода²⁴. Почти одновременно с введением в СССР в декабре 1932 г. паспортного режима иностранным корреспондентам было запрещено выезжать за пределы Москвы и ее окрестностей. Тем не менее информация из пораженных голодом районов часто поступала в московский пресс-центр иностранных журналистов²⁵.

Репортеры, которые обходили запрет на передвижение, а затем, избегая цензоров, отсылали почтой донесения в свои издания, рисковали своим положением. Журналисты знали, что появление в западной прессе материалов, содержание которых противоречило официальным сообщениям советского правительства, могло повлечь за собой почти непреодолимые трудности в получении очередной въездной визы в СССР²⁶.

В американском журналистском корпусе в Москве по-разному относились к трагедии в советской деревне. Большинство репортеров по указанным выше причинам воздерживались от собственных комментариев событий. Правду своим читателям сообщали лишь те корреспонденты, которые навсегда покидали Советский Союз. Среди них были Ю.Лайонс и У.Г. Чемберлин²⁷.

Некоторые обозреватели намеренно не сообщали подробностей голода. Так, Л.Фишер полагал, что правда может принести лишь только вред попыткам установить советско-американские дипломатические отношения, затормозит антифашистские инициативы Литвинова и в целом создаст неблагоприятный имидж пятилетке. Его умеренная критика аграрной политики советского правительства с принятием закона о введении твердого налога на зерно (январь 1933 г.) сменилась новым порывом энтузиазма. Л. Фишер заявил, что это предоставит шанс коллективизации доказать свое превосходство над частным хозяйствованием²⁸. Всю вину за нехватку продовольствия журналист возложил на «контрреволюционеров» и «вредителей»²⁹. То, что виноваты на самом деле не «вредители», а сталинское руководство, Фишер признает лишь многие годы спустя³⁰.

Советская цензура использовала и другие методы давления на иностранных журналистов. В апреле 1933 г. в Москве должен был состояться судебный процесс по делу «Метро-Виккерс». Ю. Лайонс вспоминал, что К.А. Уманский, в то время курировавший связи с иностранным пресс-корпусом, встретился с некоторыми журналистами и предупредил их, что информацию из зала суда получают только те репортеры, которые опровергнут сообщения о голоде. Поскольку судебное разбирательство было главной новостью, вспоминал Лайонс, было бы «профессиональным самоубийством» отказаться от такой информации³¹. Сочетание «самоцензуры» с давлением советских цензоров приводило к появлению в американской прессе нелепых заявлений о том, что якобы в России нет голода или смерти от голода; есть только «широко распространенная смертность из-за заболеваний, вызванных недоеданием»³².

Другая часть обозревателей пыталась привлечь внимание американской общественности к нравственному аспекту проблемы. Лайонс, Чемберлин и другие либералы длительное время смотрели сквозь пальцы на негативные

факты коллективизации, считая их «частью цены за рождение новой системы». Однако постепенно они пришли к выводу, что все происходившее в Советском Союзе не имеет никакого отношения к социализму. Соккрытие советским правительством от мировой общественности факта голода в начале 1930-х годов предстало перед ними как «квинтэссенция теории революции»³³.

Некоторые русские и украинские эмигрантские организации пытались привлечь внимание правительства и общественности США к голоду в Советском Союзе³⁴. В досье госдепартамента есть множество обращений к правительству с просьбами о вмешательстве. Официальные лица на это отвечали, что поскольку это дело никак не связано с американскими интересами, вмешательство бесцельно³⁵. Следует отметить, что в период подготовки к дипломатическому признанию СССР госдепартамент считал нецелесообразным привлекать внимание общественности к сообщениям о голоде в СССР.

Американская общественность пребывала в замешательстве от различной трактовки фактов. Хотя советское правительство не отрицало нехватки продовольствия, московское представительство Ассошиэйтед Пресс расценивало слухи о тысячах умирающих как «абсурдные»³⁶. Репортажи корреспондентов о хорошем урожае зерновых перемежались с мнениями о том, что в стране по-прежнему ощущается голод³⁷.

В конце лета 1933 г. в американской прессе появились сообщения о больших человеческих жертвах от голода. Их опубликование по времени совпало со значительным улучшением ситуации с продовольствием. Поэтому советская пропагандистская машина воспользовалась этим шансом, чтобы иностранные корреспонденты смогли сами убедиться в стабилизации обстановки.

В сентябре 1933 г. У. Дюранти посетил некоторые районы Северного Кавказа. В своем отчете он отмечал, что деревенские рынки заполнены дешевыми разнообразными продуктами. «Даже ребенку ясно, — писал он, — что здесь не голод, а изобилие»³⁸.

По этим же районам спустя две недели путешествовал У.Г. Чемберлин. Он обнаружил убедительные доказательства недавнего голода³⁹. Даже Дюранти рисует эти области не свободными от лишений. Лишь спустя почти десять лет в книге «СССР. История советской России» публицист, наконец, рассказал правду о том, что он видел в сентябре 1933 г. Тем не менее он предложил свое объяснение, которое снимало ответственность с советского руководства. Репортер заявил, что японская угроза в 1932 г. вынуждала советское правительство создавать большие запасы зерна для вооруженных сил на случай войны. Руководство страны намеренно умалчивало о голоде, заявил Дюранти, чтобы скрыть эту слабость от японцев⁴⁰.

Едва ли можно всерьез воспринимать такое заявление журналиста. Некоторые его коллеги обвиняли Дюранти в том, что его репортажи оплачиваются Москвой. И, хотя конкретных доказательств нет, некоторые исследователи не отвергают такой возможности⁴¹. Версию поддерживает тот факт, что в британское посольство (У. Дюранти был подданным Великобритании) журналист давал достоверную информацию⁴². Сам Дюранти в 1935 г. в книге «Я писал, как хотел» дает объяснение своей позиции: «Я пытался заставить себя думать как настоящий сталинист, чтобы выяснить, как же думать настоящие сталинисты, и хорошо преуспел в этом»⁴³. Его читатели за океаном не могли понять, что спокойствие Дюранти перед ужасами в России было «по крайней мере, частью выражения его невысокого мнения о жертвах»⁴⁴. Эта книга, несмотря на то, что повторяющиеся рассуждения журналиста об «азиатском» характере русских казались читателю утомительными и слишком упрощенными, в целом была хорошо принята публикой. Она стала бестселлером и, по мнению одного

из писателей, усилила поддержку сталинской системы среди американцев в тот период⁴⁵.

Полемика относительно голода и причин, его породивших, получила свое дальнейшее развитие в 1935 г. в связи с появлением в прессе Херста серии публикаций о якобы критическом положении с продовольствием в Советском Союзе. Оснований для таких утверждений в середине 1930-х годов уже не было. С 1 января 1935 г. была отменена карточная система. И тем не менее в общественном сознании американцев закрепился именно отрицательный имидж коллективизации.

Не последнюю роль в возникновении слухов о тяжелом положении сельского хозяйства в СССР в середине 1930-х годов сыграла советская цензура, которая в 1932—1933 гг. искусственно ограничила передачу в США объективной информации. В результате этого у американцев возникли асинхронные представления о советской действительности. Знакомство общественности США с фактами голода в СССР как следствия политики насильственной коллективизации проходило в условиях новой внутривнутриполитической обстановки в США и на общем фоне ухудшения американско-советских отношений. Это способствовало закреплению в общественном сознании американцев негативных представлений о сущности коллективизации.

¹ Chamberlin W. H. *Soviet Russia*. N.Y., 1930. P.136, 185.

² Chamberlin W.H. *Russia's Iron Age*. Boston, 1934. P.42—43.

³ Chamberlin W. H. *Soviet Russia*... P.194—195.

⁴ *Ibid.* P.185, 187.

⁵ См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1971. Т.4. К.2. (1929—1937. С.54.

⁶ Chamberlin W.H. *Soviet Russia*... P.396—397.

⁷ Chamberlin W.H. *Russia's Iron Age*... P.377.

⁸ Lyons E. *Assignment in Utopia*... P.279.

⁹ Lyons E. *To Tell Or Not To Tell?* // *Harper's*. June, 1935. P.102.

¹⁰ Hindus M.A. *Traveler in Two Worlds*. Garden City: Doubleday, 1971. P.311.

¹¹ Hindus M. *Red Bread: Collectivization in Russian Village*. Bloomington, 1988. P.357.

¹² Fischer L. *Men and Politics: An Autobiography*. N.Y., 1944. P.158—159.

¹³ См.: Hindus M. *Red Bread*... P.XIV.

¹⁴ Hoover C.B. *The Soviet Challenge to Capitalism* // *Harper's*. Oct., 1930. P.591.

¹⁵ Austin W.J. *Why Fear Russia?* // *Scribner's*. Sept., 1931. P.292, 295.

¹⁶ Editor *Change His Mind After Visiting the USSR*: Ed. // *Soviet Russia Today*. Sept., 1933; Fischer L. *Will the Five Year Plan Succeed?* // *The Nation*. Feb.,4, 1931. P.210.

¹⁷ Hindus M. *The Great Offensive*. N.Y., 1933. P.147.

¹⁸ *Soviet Russia Today*. Apr., 1933. P.8—9.

¹⁹ Chamberlin W.H. *Russia's Iron Age*... P.72.

²⁰ *Ibid.* P.90—91; Hindus M. *The Great Offensive*... P.157.

²¹ Hindus M. *The Great Offensive*... P.162.

²² Lyons E. *Assignment in Utopia*... P.322—323.

²³ Chamberlin W.H. *Russia's Iron Age*... P.67.

²⁴ Lyons E. *Assignment in Utopia*... P.576.

²⁵ *Ibid.* Duranty W. *I Write As I Please*. N.Y., 1935. P.259—270.

²⁶ Duranty W. *I Write As I Please*. N.Y., 1935. P.259—270.

²⁷ Crowl J.W. *Angels in Stalin's Paradise*... P.141—142; Lyons E. *Assignment in Utopia*... P.628.

²⁸ Fischer L. *Soviet Deportations* // *The Nation*. Feb. 22, 1933. P.200—201.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Fischer L. *Men and Politics*. N.Y., 1941. 255.

³¹ Lyons E. *Assignment in Utopia*... P.575—576.

³² Duranty W. *Russians Hungry, But Not Starving* // *The New York Times*. March 31, 1933. P.13; *Time*. Apr. 10, 1933. P.22.

³³ Chamberlin W.H. *The Confessions of an Individualists*... P.102—103.

³⁴ Конквест Р. *Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом*. Лондон, 1988. С.451.

³⁵ Там же.

³⁶ Literary Digest. Apr. 15, 1933. P.11.

³⁷ The New York Times. Aug. 3, 1933; Time. Aug. 28, 1933. P.14.

³⁸ Duranty W. Abundance Found in North Caucasus // The New York Times. Sept. 14, 1933. P.14.

³⁹ Chamberlin W.H. Russian Iron Age... P.83—84.

⁴⁰ Duranty W. The USSR. The Story of Soviet Russia. L., 1945. P.193—194.

⁴¹ См.: Crowl J.W. Angels in Stalin's Paradise... P.158—159.

⁴² См.: Конвест Р. Указ. соч. С.464.

⁴³ Duranty W. I Write As I Please... P.304.

⁴⁴ Lyons E. The Red Decade. N.Y., 1971. P.304.

⁴⁵ Howe Q. The News and How to Understand It. N.Y., 1940. P. 108.

SUMMARY. The article by Candidate of Historical Sciences K. Tikhii «The Image» of the Collectivization in the USSR» analyses the western perceptions and estimates of the process of collectivization in the Russian village. The author notes both positive and negative attitudes of foreign scholars, foreign press as for forming collective farms in the Soviet Union. The author also establishes the fact of repression to a considerable part of peasants in the Soviet village.